

Научная статья
УДК 316.34/35
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-1-3-9

«Внутренняя эмиграция» как социальная траектория молодежи в условиях трансформации общества

© Истомина Ольга Борисовна

доктор философских наук,
заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
olgaistomina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены размышления о формах «внутренней эмиграции» и ее каузальности как социального феномена. Автор анализирует процессы внешнеполитического давления и внутривнутриполитического генеза, обусловившие динамику социальных траекторий населения. Особое внимание уделено социальному поведению молодежи как базового агента будущих социальных изменений в общественной и государственной повестках. «Внутренняя эмиграция» рассматривается автором как сложная по структуре форма социальной дистанции, сопровождаемая различными актами, в основе которых социальная апатия, непонимание / неприятие / отторжение политической повестки, отстраненность от противоречивого политического дискурса и одновременно информационная усталость. «Внутренняя эмиграция» опасна, по мнению автора, не только манкированием общественных процессов, но рисками манипулятивного воздействия контрагентов и внешнеполитических оппонентов, что особенно актуально в условиях открытого военного конфликта и приобретшей лонгитюдный характер информационной войны. Обоснована идея коррекции действующих принципов воспитательной работы с молодежью с учетом ее негативизации диспозиций и проявлений «внутренней эмиграции».

Ключевые слова: «внутренняя эмиграция», информационная усталость, социальная дистанция, социальная апатия, социальные траектории, социальная реальность, гиперреальность, агент социализации, социальная динамика, политическая повестка, ассоциативные и диссоциативные паттерны поведения.

Для цитирования

Истомина О. Б. «Внутренняя эмиграция» как социальная траектория молодежи в условиях трансформации общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 1. С. 3–9.

Введение. Противоречия современной гиперреальности в силу значительных трансформаций и масштабности «переломов» социального пространства максимизируют уровень девиаций и аддикций, расширяют поле фрустраций, усиливают амбивалентность морали и диспозиций населения. Наибольшим изменениям подвержена социально-демографическая группа молодежи: нестабильность критичности мышления, социальная апатичность находят продолжение

в таких социальных феноменах современности, как «внутренняя эмиграция». Под термином «внутренняя эмиграция» предлагаем понимать сложную по структуре форму социальной дистанции, сопровождаемую различными актами и социально-психологическими реакциями, в основе которых социальная апатия, непонимание / непринятие / отторжение политической повестки, отстраненность от гипертрофированного и противоречивого политического дискурса и информационная усталость.

Детерминанты «внутренней эмиграции». Современная повестка в социально-политическом пространстве российского общества транслирует сложную конструкцию противоречивых процессов. Противоречия проявлены в транскрипции как событий внешнеполитического контура, так и характеристик социальной структуры, ее институтов и моделей социального поведения населения. Очевидно, что внутренние расколы, объемно проявленные в период ведения специальной военной операции и открытого военного противостояния странам «коллективного Запада», не просто обнажают проблемы дискурсивных практик, но и актуализируют вопросы ревитализации традиционных начал ценностного нарратива российской многонародной культуры.

Социальное тело нации пребывает в состоянии напряженного переходного периода. Экзистенциальные вызовы современности обусловлены очередным культурным лагом и динамикой системы моральных координат. Новые контуры общего ценностного горизонта широко обсуждаются в оформленных федеральных проектах и директивах (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.); указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.); указ Президента РФ № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года (2025 г.)»¹. Однако «социальные разрывы» и противостояние лиц, причастных к идеологемам либерализма и неолиберализма, детерминируют амбивалентность как в социальном поведении населения, так и в его ожиданиях.

В данных условиях значительно актуализируются исследования изменений социальной структуры, детерминант стратификации и ценностных установок внутри различных страт. О серьезных внутренних противоречиях говорят и пишут сегодня все, причем независимо от политической приверженности. Так, к примеру, по результатам мониторинга общественного мнения А. В. Гаврилов, С. В. Львов, Е. Н. Минченко, Е. В. Стулова, В. В. Федоров предлагают в качестве

¹ О Стратегии национальной безопасности : указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/?ysclid=mlnef41k6s773427075>; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mlned9x1w2735488467>; О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента РФ № 858. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/?ysclid=mlqjss7x4n86236537> (дата обращения: 15.02.2026).

основания критерия «отношение к СВО» четырехкомпонентную модель стратификации современного российского общества: «Россия уехавшая», «Россия столичная», «Россия глубинная» и «Россия воюющая» [1]. Каждая страта сложна своей многокомпонентной структурой и степенью вовлеченности в социально-политическую повестку. Каждая выделенная и обобщенная по ряду признаков (связь с территорией; включенность в военные или военизированные паттерны) страта неоднородна ввиду учета ряда классических критериев стратификации (конфессиональная, этнонациональная, профессионально-образовательная и другие принадлежности).

«Россия столичная» в своей модели и траекториях социального поведения ближе к группе «Россия уехавшая». Сохранение локуса может быть формальным, а ментальные и эмоциональные проекции могут иметь дезинтегративный потенциал. Очевидно, что дистанция эмоциональная и психологическая не менее сильна, чем прямая, физическая, территориальная. По сути, в данной модели зачатую проявлен выбор «себя», своего комфорта без статуса эмигранта. Добровольное снижение эмоциональной реактивности и исключение из социальных практик политических вопросов, представляется, лишь ненадолго позволяют уклониться от катастрофических чувств и содействуют социальной апатии и расширению зоны отчуждения. Сохранение «довоенного» образа жизни «России столичной» в условиях четырехлетнего открытого военного конфликта вызывает раздражение не только у «России воюющей», но и у «России глубинной», готовой принять сложность событийного ряда, необходимость «пересборки» мирового порядка и фатализм текущих изменений.

«Россия воюющая», несмотря на разнообразие факторов, побуждающих выбор военного пути (рекрутинговый, гражданский, патриотический, профессиональный, материальный, эмоциональный и иные), выбирает форму непосредственного участия в освобождении исторических территорий России. Общая тревога за события в стране и на новых исторических территориях в данном случае становится ресурсом, высвобождающим энергию, и формой содействия гражданской идентификации. Траектория военной службы для данной страты является закономерной, понятной, естественной. Стратегия, именуемая «Россией столичной», как «карьера через Донбасс» [1, с. 222] далеко не всегда оценивается как карьера. Для территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока зачастую является прямым вызовом, прямой реализацией паттерна «воина-освободителя», сохранением чести рода.

В социальном смысле четыре кластера названной экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО разновелики, многолики в своей структуре, но, думается, что с точки зрения наиболее типичных проявлений паттернов и реализации диспозиций более отчетливо проявлены две линии социального поведения, где первая — это принятие развернувшихся военных событий с разной формой участия (в форме службы, волонтерской деятельности, в попытках повышения общественной роли профессиональной деятельности, в стремлении быть вовлеченным в общественно-политическую повестку и понять характер ситуации, ее черты и последствия). Вторая линия основана на манкировании или отрицании

проблемы. Модели также разнообразны от прямой эмиграции до внутренней при сохранении ареальных контуров своего пребывания.

Сложность социальных отношений современности состоит в том, что траектории данных двух укрупненных в наших рассуждениях кластерах ни физически, ни ментально, мировоззренчески не совпадают. Первую выделенную группу по принципу сходства с социально-психологическим обоснованием линии поведения предлагаем назвать ассоциативными паттернами поведения, вторую — диссоциативными.

Ценности и стратегии диссоциативной группы. В названной экспертной модели «Четыре России» второму кластеру предписаны такие ценности, как «идейное западничество», комфорт, мир, безопасность, частная жизнь». Среди стратегий выделены «ожидание краха режима, публичная борьба против режима, использование критики режима для адаптации во внешнем мире» [1, с. 222]. Соглашаясь с данным описанием социальной модели, важно добавить, что «Россия уехавшая» и «Россия столичная» после четырех лет открытого военного противостояния выбирают путь дистанции не столько территориально-географической, эмигрантской, сколько ментальной в форме «внутренней эмиграции».

Природа каузальности отстранения, «убегания», манкирования, в ряде случаев стремительного побега, в том числе с публичным осуждением военно-политического выбора страны, различна, но схожа с эмоциональной негативизацией оценок всего социального на Родине. «Утрата чувства Родины лишает укорененного сознания, осознания принадлежности к большой и значимой в жизни человека группе. Иррациональная рациональность современности, доставшаяся в наследство от постмодерна, возводит в культ гендер и отдаляет от нарратив этнонациональной группы, ее архетипов, культурного кода, лишает социально значимых благ, соотнесения с ментально близкими, понятными в коммуникативном поведении ценностными воззрениями» [3, с. 11–12]. Отказ от прошлого и текущего настоящего в сознательно выбранной дистанции, думается, является серьезным травмирующим фактором в дальнейшей ре- и десоциализации.

Дистанцирование и диссоциативные техники как социальная траектория молодежи. Диссоциативность, реализованная через «внутреннюю эмиграцию», является закономерным продолжением диссоциативной линии взрослых. Социальные апатия и дистанция во взрослой стране, исключившей любые, прямые или косвенные, практики включения в социально-политическую повестку, выбравшей «внутреннюю эмиграцию», уставшей от избыточности информационной повестки, закономерно отражены в стране молодежи. Объем «внутренней эмиграции» в подростковых и молодежных кругах ожидаемо больше, так как базовые агенты социализации в условиях хаотичных перманентных реформ снижают результативность своих социальных ролей. Возвращающиеся воспитательные функции школы как вторичного агента социализации реализуются зачастую в духе «*манифестирующей эффективности*» [8, с. 4] и в тех формах, которые не вызывают доверия в детско-юношеских и молодежных коллективах. Клишированные форматы

взаимодействия способны вызвать обратную реакцию и убедить в выборе «внутренней эмиграции» и, более того, утвердить в правильности этого выбора.

Высокий уровень тревожности в обществе добавляет синергичности феномену «внутренней эмиграции», которая, на наш взгляд, опасна не только манкированием общественных процессов, но и рисками манипулятивного воздействия контрагентов и внешнеполитических оппонентов. Добавочный эффект обеспечивается общемировыми тенденциями инфантилизации населения и отложенного взросления.

Хаотичность и непредсказуемость политической повестки, ее катастрофичность, умноженные на номинальные функции кризисного института семьи и образования, на затянувшиеся эффекты иррациональной рациональности постмодернити и отложенную на более старший возрастной контингент социальную ответственность, к глубочайшему сожалению, укореняют практики «внутренней эмиграции». В ситуации нестабильности психических реакций (по оценкам RNC Pharma, за 2025 год в стране было продано 23,5 млн упаковок антидепрессантов на 19,5 млрд рублей. За семь лет продажи антидепрессантов в аптеках выросли в четыре раза¹ подростки и молодежь как самые лабильные в социальном смысле группы (не сформированы образовательный, профессиональный статусы, сложность оценки конструируемой гиперреальности, недоверие к взрослому населению, укорененная в сознании катастрофичность текущей ситуации ввиду экзистенциальных вызовов, информационный террор и аффекты думскроллинга [5; 6; 7], сниженный эмоциональный фон, преобладание опосредованного цифровыми помощниками общения, сложность коммуникативных конструкций и т. д.) инстинктивно выбирают краткосрочность жизненных планов, ориентацию «на себя», бытовое благополучие и решение потребностей индивидуального порядка. Наиболее понятным в такой ситуации для незрелого и утомленного информационным террором сознания становится уход в виртуальный мир или, по выражению С. Жижека, в «призрачное шоу капиталистической утилитарной бездуховной вселенной, в пустыню реального» [2]. По сути, мы наблюдаем некую матрицу асоциального или квасоциального.

Не вызывает сомнения, что эффекты и аффекты «внутренней эмиграции» молодежи максимально рискогенны, так как в условиях пролонгированного характера амбивалентности морали и иррациональной рациональности, объявленных как типовые формы постмодернистской рациональности и вестернизированной массовой культуры, агентность молодежи в фокусе социально-политического участия, что важно для ассоциативного порядка, не стабильна.

Каналы развития ассоциативных паттернов поведения молодежи, очевидно, неизменны. Это по-прежнему традиционные агенты социализации и инкультурации: семья и образование. Поэтому поиск результативных методов содействия развитию данных социальных институтов и одновременно агентов является

¹ Продажи антидепрессантов в аптеках выросли в четыре раза за семь лет. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/01/2026/6973857b9a794777ba8c86d9?ysclid=mlqp6c7f520173639> (дата обращения: 15.02.2026).

генеральной национальной задачей. Важно избежать перегибов практики позднего советского периода, деструкций, как мы писали ранее, «манифестирующей эффективности» постмодернизма в пользу убедительного и доверительного, честного диалога с молодежью. Не теряют актуальности и классические модели социокультурного взаимодействия. Высокая агентность СМИ и киноиндустрии может более оперативно реагировать на события текущей повестки: общество ждет новых лидеров для молодежи, каким в свое время стал Аркадий Гайдар. Социальные ожидания от переснятых анимационных и художественных фильмов советского кинематографа снижены уже на старте. Первичное (по ощущениям автора) желание коммерческого эффекта не решает проблем мировоззренческого блуждания и «социального аутизма» нового поколения.

Заключение. «Внутренняя эмиграция» социально-демографических групп, в том числе молодежи, свидетельствует о серьезных социальных разрывах, проявляется в социальной апатии, инертности, намеренном дистанцировании от сложных социальных процессов, что отчуждает от понимания роли России на мировой арене. «Поддержка “нового”, социально значимого, настроения в кругах молодежи прежде всего должна исходить из семьи и образовательных институций» [4, с. 4]. Обозначенные паттерны выражают полярность социальных проекций и диспозиций населения, но вместе с тем побуждают к ревитализации традиционных императивов для формирования — сохранения — развития социальной стабильности и контуров будущего.

Литература

1. Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО / А. В. Гаврилов, С. В. Львов, Е. Н. Минченко [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 212–242.
2. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. URL: <http://www.lacan.com/reflections.htm> (дата обращения: 26.10.2025).
3. Истомина О. Б. Роль межэтнических отношений в социальной стабилизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 3. С. 10–18.
4. Истомина О. Б. По дороге одной, но в разные стороны: социальные траектории интеллигенции // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 3. С. 3–10.
5. Истомина О. Б. Лидер общественного мнения: социальный портрет в условиях гиперреальности современности // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 1. С. 3–10.
6. Истомина О. Б. Биосоциальные трансформации постцифровой экзистенции // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 4. С. 48–55.
7. Истомина О. Б. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: за и против // Профессиональное образование в современном мире. 2025. № 1. С. 13–18.
8. Истомина О. Б., Кузьмина А. А. Информационные вызовы и угрозы современности: социально-философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 3–11.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 28.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

“Internal Emigration” as a Social Trajectory of Youth in the Context of Societal Transformation

Olga B. Istomina

Dr. Sci. (Philos.), Head of Socio-Economic Disciplines Department,
Irkutsk State University
1 Karla Marksa St., Irkutsk 664025, Russia
olgaistomina@mail.ru

Abstract. The article presents reflections on the forms of "internal emigration" and its causality as a social phenomenon. It analyzes the processes of foreign policy pressure and domestic political genesis that have determined the dynamics of the population's social trajectories. Particular attention is paid to the social behavior of youth as the primary agent of future social change in public and government agendas. We consider “internal emigration” as a complex form of social distance accompanied by various acts rooted in social apathy, misunderstanding / non-acceptance/ rejection of the political agenda, detachment from controversial political discourse, and concurrently information fatigue. In our opinion, “internal emigration” is dangerous not only because it disregards social processes, but also because of the risk of manipulative influence from counterparties and foreign policy opponents in the context open military conflict and information warfare that has acquired a longitudinal nature. It is substantiated the idea of correcting the current principles of educational work with young people taking into account their negative dispositions and manifestations of “internal emigration”.

Keywords: “internal emigration”, information fatigue, social distance, social apathy, social trajectories, social reality, hyperreality, socialization agent, social dynamics, political agenda, associative and dissociative behavior patterns.

For citation

Istomina O. B. “Internal emigration” as a social trajectory of youth in the context of societal transformation. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 1: 3–9 (In Russ.).

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 28.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.